

Линь Тяньюань взял две картины и вернулся в Запретный город.

В Зале Совета стояли две картины.

Две картины были сложены. Хотя Линь Тяньюань не верил, что эти две картины могут решить проблему, с которой он столкнулся из-за буддийских сект, но открывать их он не решился.

Он по-прежнему слушал Линь Цзюфэна.

Линь Тяньюань немного подумал, а затем приказал.

"Позови сюда Каншана и Бэйхая".

Евнух немедленно отправился на поиски.

Цаншань и Бэйхай были братьями.

Они были свободными культиваторами, но очень талантливыми.

Вскоре после того, как духовная энергия мира восстановилась, они прорвались в царство Мудреца.

После восстания Лорда Тайпина Линь Тяньюань почувствовал сильный кризис и начал набирать этих свободных культиваторов.

Эти двое приняли предложение, и с тех пор они работали на Линь Тяньюаня.

Линь Тяньюань приготовил для них много ресурсов, и каждый брал то, что ему было нужно.

Через некоторое время вошли два старика.

Каждый из них поднял кулак и сказал: "Приветствую вас, ваше величество!".

"Надеюсь, двое из вас смогут отправиться в Цзяннань". сказал Линь Тяньюань.

Каншан и Бэйхай посмотрели друг на друга, они не хотели подчиняться этому приказу.

"Ваше Величество, дело не в том, что мы не хотим, а в том, что храм Шаолинь и Сюанькун очень могущественны. Мы, братья, хоть и являемся культиваторами Мудреца, но находимся лишь на ступени Познания Жизни..."

"Нас недостаточно, чтобы противостоять этим двум великим державам, существующим уже тысячи лет", - с горечью сказал Каншан.

Он не хотел идти в Цзяннань.

Разве есть кто-то, кто не знает, что произошло между буддийскими сектами и императором Мином из династии Бога Юхуа?

Попросить их отправиться в Цзяннань в это время было бы равносильно тому, чтобы послать их на смерть, не так ли?

Они жили в комфортных условиях под началом Линь Тяньюаня и были готовы выполнять для него опасные задания.

Но между опасностью и верной смертью была разница.

Линь Тянюань знал, о чем думали эти двое.

Поэтому он сказал: "Я посылаю вас туда не для того, чтобы разобраться с двумя могущественными фракциями, а для того, чтобы вы прочитали императорский указ. После того, как две могущественные фракции получат его и согласятся с ним, не должно быть никакой необходимости воевать".

Каншан и Бэйхай не были убеждены.

Если буддийские секты примут императорский указ, то им не придется воевать.

Но что, если они не согласятся?

Бэйхай был пухлым стариком.

Он был прямолинеен и не мог не спросить: "А что, если... что, если они не согласятся?".

Линь Тянюань взял две картины, которые передал ему Линь Цзюфэн, и сказал: "По одной картине каждому из вас. Если они не согласятся, разверните картины".

Цаншань и Бэйхай с подозрением смотрели на картину в руках Линь Тянюаня.

Что это было?

Этих двух картин было достаточно, чтобы позаботиться о двух могущественных фракциях, чьи учения передавались тысячелетиями?

Как и Линь Тянюань, они не могли в это поверить.

Поэтому они все еще отказывались соглашаться.

"Эти две картины были написаны тем старшим в императорской столице".

Видя, что они не соглашаются, Линь Тянюань вынужден был сказать им правду.

Цаншань и Бэйхай удивленно посмотрели на Линь Тянюаня.

"Неужели это тот самый старший из десятилетней давности?" взволнованно спросил Чаншань.

Десять лет назад, когда мир все еще находился в процессе восстановления, Цаншань и Бэйхай не были культиваторами царства Мудреца.

Но они слышали об ужасном старшем в имперской столице, который одним ударом меча убил девять боевых мудрецов.

С тех пор прошло более десяти лет.

Оба они уже стали культиваторами Царства Мудреца на ступени Познания Жизни.

Насколько же силен был сейчас тот старший?

Чаншань взволнованно сказал: "Тот старший действительно так сказал?"

"Да. Я спросил его, как успокоить проблему в Цзяннане. Он сказал мне, что это все, что я должен сделать, и поэтому я попросил вас отправиться". Линь Тяньюань сказал им правду.

Если бы он не сказал правду, то никто бы не решился ехать.

Если бы он послал людей, которые были менее сильны, чем эти двое, это было бы бесполезно.

Возможно, они даже не смогут войти в ворота храма Шаолиня и Сюаньконга.

Каншан и Бэйхай посмотрели друг на друга, а затем кивнули в знак молчаливого понимания.

"Ваше Величество, мы примем это задание", - торжественно сказал Цаншань.

Линь Тяньюань обрадовался и поспешно сказал. "Не волнуйтесь, я расскажу об этом деле всему миру, так что все будут знать, что вы отправляетесь в Цзяннань с императорским указом".

"Проблем быть не должно".

Цаншань и Бэйхай кивнули в знак согласия.

Известив весь мир, они получили дополнительную гарантию своей безопасности.

"Кроме того, не открывайте эти две картины до удобного момента. В этом случае будут потеряны жизни, поэтому вы должны помнить об этом". напомнил Линь Тяньюань.

Это также было напоминанием Линь Цзюфэна.

Выражения их лиц сразу же стали серьезными.

"Ваше Величество, будьте уверены. Мы обещаем выполнить это задание", - сказали они одновременно.

"Сейчас я напишу для вас императорский указ. Каждый из вас отправится в одну из буддийских сект".

Линь Тяньюань начал писать императорский указ.

Немного подумав, он одним движением рукава написал строгий выговор, и его мысли хлынули, как фонтан.

"Отнесите это в Цзяннань. Я немедленно сообщу всему миру".

Линь Тяньюань передал им императорский указ.

Каншань и Бэйхай склонили головы и отступили. С императорским указом и картинами Линь Цзюфэна в руках они направились в Цзяннань.

После того как они покинули Запретный город, династия Бога Юхуа начала предавать это дело огласке.

Император Мин Линь Тяньюань написал два императорских указа.

Их должны были отнести и прочитать два боевых мудреца в храмах Шаолинь и Сюанькун в

Цзяннани.

Весь мир ждал контратаки Линь Тянюаня, ждал контратаки династии Бога Юхуа.

Как только новость была опубликована, она распространилась по всей земле, как лесной пожар.

Она распространилась по Цзяннани быстрее, чем скорость передвижения Цаншаня и Бэйхая.

Они были боевыми мудрецами и двигались очень быстро.

Но не успели они добраться до Цзяннани, как новость уже распространилась по всей Цзяннани.

Храм Шаолинь и Храм Сюанькун получили эту новость.

В храме Шаолинь хранили молчание, словно ничего не слышали.

Они не высказывали никаких мнений.

Они построили свои собственные храмы, и под их командованием ни один из них не будет разрушен.

В отличие от храма Шаолиня, люди из храма Сюаньконга приветствовали эту новость.

"Приходите в мой храм Сюанькун, лишитесь трех тысяч бед и забудьте о бедах всего мира. Мы спасем этих двух посланников".

Это была неприкрытая угроза.

Храм Сюаньконг был как всегда высокомерен.

Они были монахами, но они были высокомерны и властны.

Они всегда были такими.

После прибытия Цаншаня и Бэйхая в Цзяннань прошло уже два дня.

Всего за два дня в Цзяннани распространились слухи.

Бесчисленные отпрыски могущественных фракций, сект и даже потомки аристократических семей, а также выдающиеся культиваторы, не связанные с культурой, собрались в храме Шаолинь и Сюанькун.

Они хотели узнать, как эти две буддийские секты будут вести себя с посланниками императора Мина и как они поступят с императорскими указами, которые должны были вот-вот прибыть.

Толпа была оживленной и шумной.

Все с нетерпением ждали прибытия Цаншаня и Бэйхая.

Двое мужчин были потрясены.

"Похоже, ситуация обострилась", - сказал Цаншань. Он выглядел обеспокоенным.

"Чего ты боишься?"

"У нас есть картины, которые дал тот старший. Я верю, что они сработают". Бэйхай доверял Линь Цзюфэну.

Линь Цзюфэн завоевал его доверие, ни разу не встретившись с ним.

"Я тоже верю в него. Поскольку мы уже здесь, нет причин отступить".

Цаншань глубоко вздохнул и спросил, "Куда ты пойдешь?".

Бэйхай вытянул руку и твердо сказал: "Я иду в храм Шаолинь!".

"Тогда я пойду в храм Сюанькун. Давайте расстанемся здесь!"

Цаншань на прощание сжал кулаки.

"Береги себя!" торжественно сказал Бэйхай.

"У нас есть картины старшего. Все будет хорошо". Цаншань улыбнулся и уверенно сказал.

Они направились в разные места и одновременно прибыли к подножию гор, где находились храмы.

Бесчисленное количество людей наблюдало за их появлением. Все взгляды были устремлены на них.

Двери храма Шаолиня и храма Сюаньконга были открыты, и они смогли войти.

Цаншань и Бэйхай держали в руках императорский указ, в карманах у них лежала картина Линь Цзюфэна, и они решительно ступили на ступени.

...

Императорская столица, Холодный дворец!

Линь Цзюфэн лежал на кровати из морозного нефрита.

Он закрыл глаза и успокоил свой разум, чувствуя себя безмятежно.

"Ты прорвался в царство Человеческого Бога?" - с любопытством спросила белая кошка.

За последние несколько дней это был не первый раз, когда белая кошка задавала этот вопрос Линь Цзюфэну.

Но Линь Цзюфэн никогда не отвечал на него прямо.

Однако белая кошка упорствовала.

"Ты узнаешь об этом примерно через два дня", - сказал Линь Цзюфэн.